Л. Н. НАЗАРОВА

И. С. ТУРГЕНЕВ В РАБОТЕ НАД «СТАРЫМИ ПОРТРЕТАМИ»

(Из творческой истории)

Когда в начале 1881 г. в газете «Порядок»[1] появились «Старые портреты» с подзаголовком «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих», критика не замедлила высказаться о них. Имея в виду главных героев рассказа, Алексея Сергеича и Маланью Павловну Телегину, один из рецензентов писал: «Они стоят перед нами живые в этих медальонах, начертанных романистом. Эти два типа далекой уже старины не прибавят „нового слова" к речи, с которою обращался г. Тургенев к русскому обществу, но они, без сомнения, увеличат число „тургеневских" типов. Невозможно в рассказе более простом, по-видимому, сосредоточить более мастерства отделки, не говоря о наблюдательности, без которой в произведении не было бы жизни и свежести». В заключение подчеркивалось: «Как на особо поразительные места, укажем на воспоминания Алексея Сергеича о дворе Екатерины II и Маланьи Павловны о ее встречах с Алексеем Орловым, о ее венчании».[2]

Другой критик, В. В. Чуйко (псевдоним — В. Ч.), писал: «По мере чтения эти лица (старички Телегины, — *Л. Н.*) так живо рисуются в уме читателя, все мельчайшие подробности так характерно определяют их, что перед вами точно восстает давно прошедшая жизнь с такою роскошью красок, с таким обилием форм, с такою полнотою, что... вы невольно удивляетесь таланту, который так всецело умеет воскрешать прошлое».[3]

Современной писателю критике не было, конечно, известно, что рассказ «Старые портреты», этот маленький шедевр, как его по справедливости можно назвать, стоил Тургеневу большого труда. Осенью 1880 г. он нарочно задержался один в Буживале, чтобы «поработать над той безделицей, которую обещал М. М. Стасю-

---

[1] «Порядок», 1881, 1 января, № 1; 5 января, № 4.
[2] «Голос», 1881, 8 (20) января, № 8.
[3] «Новости и биржевая газета», 1881, 16 января, № 14.

левичу в „Порядок". Кажется, одолел», — сообщал Тургенев Я. П. Полонскому 16 ноября н. ст.[4] Об окончании работы над рассказом («с великим трудом»), для чего «две недели просидел в деревне совершенно один», — Тургенев писал также И. И. Маслову 23 ноября н. ст.[5]

Как и почему возник у писателя замысел «Старых портретов»? Как известно, супружескую пару, подобную «старенькой чете» Телегиных, с несомненной долей симпатии Тургенев уже изобразил ранее в главе XIX «Нови» (1876). Фома Лаврентьевич (Фомушка) и Евфимия Павловна (Фимушка) Субочевы такие же люди XVIII в., как и старички Телегины. Но если в романе, посвященном актуальным общественным проблемам современности, Тургенев смог рассказать о чете Субочевых лишь мимоходом, во вставной новелле, то старичкам Телегиным, изображению их быта и нравов, он решил посвятить теперь целый рассказ.

А. Н. Луканина в своих воспоминаниях «Мое знакомство с И. С. Тургеневым», написанных в форме дневника, в записи от 30 ноября 1880 г., передает слова самого писателя: «Был у меня старик дядя: родился он при Елизавете, а сам был человек екатерининских времен... Жена его родилась тоже чуть не при Елизавете. Этот мой дядя был человек хотя глупый, но очень своеобразный, вот почему мне и вздумалось описать эту чету».[6]

Хотя некоторые критики, в частности С. А. Венгеров, считали, что «Старые портреты» могут быть названы «новою главою „Записок охотника", и притом одною из лучших»,[7] следует иметь в виду, что Тургенев несомненно придавал этому рассказу особое значение, так как собирался открыть им какой-то новый цикл. Это явствует из его письма к П. В. Анненкову от 4 декабря нов. ст. 1880 г., в котором сообщалось: «У меня в голове еще несколько подобных студий:[8] пожалуй, теперь они и увидят свет. — В начале моей карьеры успех „Хоря и Калиныча" породил „Записки охотника"; было бы чудно, если бы „Старые портреты" оказались тоже плодовитыми — под конец этой самой карьеры».[9]

Самый подзаголовок к «Старым портретам» («Отрывки из воспоминаний — своих и чужих») давал основание современникам Тургенева рассматривать этот рассказ именно как начало нового цикла, задуманного писателем. В. В. Чуйко прямо писал об этом в своей рецензии: «Пока мы имеем только первый отрывок под

---

[4] Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 364—365.

[5] Там же, стр. 366.

[6] «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 72. См. также: Н. Гутьяр. Предки И. С. Тургенева. — «Русская старина», 1907, № 12, стр. 657.

[7] «Русская мысль», 1882, № 3, стр. 60.

[8] «Отчаянный» («Вестник Европы», 1882, № 1, стр. 37—56); перечень персонажей третьего очерка — «Учителя и гувернеры» — сохранился в парижском архиве Тургенева в Национальной библиотеке (Slave 77); фотокопия — ИРЛИ, р. I, оп. 29, № 342, л. 4.

[9] «Красный архив», 1929, т. 1 (32), стр. 194.

заглавием „Старые портреты"; это дает нам право надеяться, что после этого первого отрывка последуют другие и за старым портретом мы увидим новые».[10]

Выше уже было сказано, что «Старые портреты», несмотря на небольшой объем этого рассказа, заняли у Тургенева две недели напряженного труда. К сожалению, черновой автограф произведения не известен. Но сохранились конспект и авторизованная копия.[11] Наибольший интерес для изучения творческой истории «Старых портретов» представляет конспект рассказа, являющийся черновым автографом.

Как известно, текст рассказа насыщен деталями культуры и быта XVIII в. Некоторые из них имеются уже и в конспекте. Так, например, прозвище, данное Алексеем Сергеичем его бурмистру Антипу — Микромэгас (по имени героя одноименной философской повести Вольтера),[12] и др.

В конспекте кратко изложено содержание будущего рассказа и, кроме того, сообщены основные биографические сведения об Алексее Сергеиче и Маланье Павловне Телегиных (первоначально их фамилия была Лачиновы). Точно указаны в конспекте даты рождения и смерти обоих героев (Алексей Сергеич родился в 1760 г., Маланья Павловна — в 1770 г., умерли они оба в 1848 г.). Фамилия сумасшедшего князя Л. в конспекте раскрыта полностью: «Сумасш‹едший› кн‹язь› Львов, который у них живет». Характеризуя Алексея Сергеича, Тургенев кратко отметил в конспекте, что у него «обожание Екатерины (II, — *Л. Н.*), анекдоты о ней». В тексте рассказа эта фраза развернута в эпизод перед портретом императрицы работы Лампи («Полубог был, не человек!» и т. д.) и в сообщении о личной встрече Алексея Сергеича с ней, а также в пересказе анекдота об электрических искрах, которые сыпались из волос Екатерины II при их расчесывании. Лейб-медику Роджерстону она говорила: «Меня, я знаю, за некоторые поступки осуждают: но видишь ты электричество сие? Следовательно, при таковой моей натуре и комплекции — сам ты можешь заключить ... что несправедливо меня осуждать, а постичь меня должно!».[13]

Если в жизни Алексея Сергеича главный интерес был сосредоточен на Екатерине II, бесконечных разговорах и воспоминаниях о ней, то такую же роль для Маланьи Павловны играл граф

---

[10] «Новости и биржевая газета», 1881, 16 января, № 14.

[11] Национальная библиотека в Париже, Отдел рукописей, Slave 77; фотокопии — ИРЛИ, р. I, оп. 29, № 230.

[12] Герои Тургенева (Алексей Сергеич, а также Фомушка из XIX главы «Нови») читали произведения Вольтера в русских переводах, о которых см.: Д. Д. Языков. Вольтер в русской литературе. — «Древняя и новая Россия», 1878, № 9, стр. 70—79.

[13] И. С. Тургенев, Собр. соч. в 12 томах, т. VIII, Гос. изд. худож. лит., М., 1956, стр. 333. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

Алексей Григорьевич Орлов. В тексте рассказа Маланья Павловна вспоминает о трех своих встречах с графом Орловым: во время знаменитого кулачного боя на Ходынском поле, когда она была еще девушкой, затем в день ее свадьбы и, наконец, на балу у самого Орлова, где она присутствовала вместе с мужем.

В конспекте же вовсе отсутствует первый из этих эпизодов, а два последующих соединены еще в один: «М<аланья> П<авловна> описывала свой наряд — и как А<лексей> С<ергеич> был хорош собой и какой на нем был кафтан и А<лексей> Г<ригорьевич> был посаженым отцом, и пуговицы на нем были бриллиантовые, и [она] [муж] похвалила их, и он сказал — у Вас в глазах лучше бриллианты и взял нож — отрезал одну пуговицу — и дал ей, сказав: сравните сами — и вот тот самый брил<лиант> — теперь вокруг ее медальона».

В конспекте, как видно из приведенного отрывка, между прочим, имеется указание на то, что граф Орлов был посаженым отцом Маланьи Павловны на ее свадьбе с Алексеем Сергеичем. В текст рассказа эта деталь не вошла.

Значительное место уделено в конспекте описанию костюмов Алексея Сергеича и Маланьи Павловны. Ему предшествует такая фраза: «Обратите внимание на костюм. Было время суета суетствий». Описание костюма первого из этих героев, данное в конспекте, почти не содержит разночтений с текстом рассказа. Что же касается Маланьи Павловны, то в изображении ее наряда в конспекте имеются некоторые детали, которые Тургенев позднее несколько видоизменил. Приводим с левой стороны текст рассказа, справа — соответствующее место из конспекта.

Ходила она постоянно в пирамидальном чепце с розовыми лентами ... белом коротком платье и прюнелевых башмаках на красных каблучках; а сверху платья носила кофту из голубого атласу, со спущенным с правого плеча рукавом (*VIII, 338*).	белый капот коротк<ий>, накинутая на одну руку голубая шелковая кофта, башмаки на красных каблуках, высокий чепец с гол<убыми> лентами и рюшем.

В тексте «Старых портретов» полностью отсутствует следующий отрывок из конспекта, связанный с Маланьей Павловной: «. . . что колец, замеч<ает> Орл<ов>, что колец не следует носить таким ручкам. Пахнет от нее бергам<отом> à la Marechal допотопным в продаже уже нет (Eau de la Reine de Hongrie!)».

Рассказ «Старые портреты» состоит как бы из двух частей. Если первая из них связана со старичками Телегиными и посвящена изображению помещичьего быта, а также характеров, привычек и нравов этой супружеской четы, то в центре второй части — крепостной кучер Иван Сухих и его трагическая гибель. В конспекте об этом герое говорится дважды. «Кучер Иван [Сухоруц-

кий] Сухих. Его история. (Забавник; «рыбка»; потом убийство барина — он был выменен на другого слугу и т. д.)». И затем: «В последний мой приезд случился со мной анекдот с Иваном Сухих. Как он пришел ко мне в комнату, стал на колени и так далее».

Эти две краткие записи конспекта развернуты в подробное описание судьбы Ивана Сухих, который был «выменен — лет двадцать тому назад — от господ Сухих на другого крепостного телегинского человека; так-таки просто выменен, безо всяких формальностей и бумаг; отданный за него человек помер, — а господа Сухие забыли об Иване — и остался он в доме Алексея Сергеича, как свой» (VIII, 345). Когда же после смерти господ Сухих появился новый владелец («человек жестокий, мучитель») и потребовал Ивана к себе, грозя «судом и штрафом», Алексею Сергеичу не удалось купить у него кучера, хотя он и предлагал за него «хорошие деньги» (VIII, 345).

Алексей Сергеич сознает, что в данном случае «поступлено было противозаконно, на веру, по старине... а теперь вон какое худо вышло!» (VIII, 346). Но он, конечно, далек от того, чтобы понимать всю безнравственность, весь ужас крепостного права в целом. Иван же не пожелал служить новому своему господину и предупредил его об этом, за что был нещадно избит. Как будто бы смирившись после этого с своей судьбой, он, однако, в конце концов все-таки убил своего барина и явившись в город, «к присутственным местам», сам потребовал: «вяжите!». Присужденный к кнуту, он попал затем на рудники — «да и исчез там навеки...» (VIII, 348).

В эпизоде, где описана расправа Ивана Сухих над его барином, у Тургенева налицо как бы творческая перекличка с отрывком «Про холопа примерного, Якова верного» из главы «Пир на весь мир» поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», опубликованной впервые во второй книжке «Отечественных записок» за 1881 г., т. е. позднее, нежели появились в «Порядке» «Старые портреты». Возможно, впрочем, что Тургеневу было известно издание, напечатанное ранее в Петербургской Вольной типографии: «Пир на весь мир. Сочинение Н. Некрасова (глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», вырезанная цензурой из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г., дополнена по рукописи автора)». СПб., 1879. Как бы то ни было, но в обоих произведениях одна и та же тема, типичная для крепостнической действительности (кучер мстит барину, оставшись с ним наедине в дороге), разрешена по-разному. У Тургенева Иван Сухих убивает барина и затем сам отдает себя в руки правосудия. Некрасов заставляет Якова стать самоубийцей на глазах барина, тем самым предав его моральной казни.

После того как была закончена работа над «Старыми портретами», Тургенев послал рукопись рассказа (как он это делал

всегда) прежде всего на суд П. В. Анненкову. Прочитав новое произведение Тургенева, последний в не дошедшем до нас письме сообщил писателю свой в целом одобрительный отзыв, но сделал одно замечание по поводу Ивана Сухих. По-видимому, Анненков советовал Тургеневу переделать конец рассказа. По его мнению, Иван после убийства барина должен был покончить с собой. Такое заключение можно сделать на основании ответного письма Тургенева к Анненкову от 4 декабря н. ст. 1880 г. В нем писатель указывал: «Теперь насчет кучерка. В действительности эта история именно так совершилась и закончилась (я даже имени (Ивана) не переменил). Это еще, однако, не доказательство: действительность кишит случайностями, которые искусство должно исключать; но мне на ум приходит тот факт, что почти *никогда русский* убийца сам с собою не кончает — особенно в крестьянском сословье; в Европе же сплошь и рядом. Боюсь как бы не дать самоубийце Ивану европейский колорит». В заключение Тургенев обещал критику «дать себе дня два, три на размышление»,[14] прежде нежели рукопись «Старых портретов» будет отправлена редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу.

Не совсем правильно поняв мысль Тургенева, Анненков 17 декабря 1880 г. возражал ему, утверждая, в частности, что «при крепостном праве топились не только мужчины, но женщины и дети поминутно». Критик находил, что русский народ «только не любит европейских форм самоубийства, как револьвера, кинжала, даже топора, а топится, например, очень охотно». Не настаивая на изменении концовки «Старых портретов», Анненков писал: «Впрочем, чтобы Вы ни сделали с Иваном или ничего бы не сделали с ним — рассказу Вашему до этого дела нет: он все останется превосходным, как был».[15]

Однако Тургенев не был удовлетворен тем, что Анненков не совсем точно понял его, и 19 декабря 1880 г. снова писал ему. «На счет кучера Ивана я, верно, не так выразился. Русские люди убивают себя с необычайной легкостью, чуть не с охотой: но русские убийцы — убивают себя ножом — весьма редко, особенно в простом народе: они как будто чувствуют потребность отдать себя на суд; своего рода искупление греха».[16]

Из окончательного текста рассказа явствует, что Тургенев советом Анненкова не воспользовался.

«Старыми портретами» завершается круг произведений Тургенева, так или иначе связанных с XVIII веком, его людьми, культурой и бытом того времени. Не будучи историческим романистом, Тургенев обладал, однако, острым чувством историзма и не раз обращался в своем творчестве к социально-психологическим ею-

---

[14] «Красный архив», 1929, т. 1 (32), стр. 194.
[15] ИРЛИ, ф. 7, № 13, лл. 15—16 об.
[16] «Красный архив», 1929, т. 1 (32), стр. 195.

жетам из прошлого века. Об этом свидетельствуют созданные им образы однодворца Овсяникова (из рассказа под тем же названием), который был из числа «последних людей старого века» и А. Г. Орлова «видал часто (I, 128, 133), Тумана, дворецкого графа Петра Ильича («Малиновая вода») — человека «екатерининского времени» (I, 104), и В. И. Лучинова («Три портрета») — одного из «блистательных молодых людей начала царствования Екатерины», «обаятельно любезного» (V, 92—93) и в то же время сухого и холодного.

Наследниками французской культуры XVIII в. являются у Тургенева отец Федора Лаврецкого, Иван Петрович («Дворянское гнездо»), у которого «Вóлтер в голове сидит», ибо его наставник «отставной аббат и энциклопедист» «влил целиком в своего воспитанника всю премудрость XVIII века» (II, 166), а также Иван Матвеевич Колтовский («Несчастная»), «высокий, видный старик с величавою осанкой», который любил, чтобы ему читали вслух «мемуары Сен-Симона, Мабли, Реналя, Гельвеция, переписку Вольтера, энциклопедистов» (VII, 161, 162). Наконец, в «екатерининские суровые времена» служил под знаменами А. В. Суворова Василий Фомич Гуськов («Бригадир»), ныне «убогий старичок» (VII, 109).